

ТИХООКЕАНСКАЯ ПОЛИТИКА США в 80—90-е годы XX в. АМЕРИКАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В АТР

Лариса Николаевна ГАРУСОВА, кандидат философских наук, докторант Института истории ДВО РАН

Современная внешняя политика Соединенных Штатов сориентирована в двух основных направлениях — «атлантическом» (Европейский регион) и «тихоокеанском» (Азиатско-Тихоокеанский мегарегион). Параллельно с традиционными «атлантическими» приоритетами в последние десятилетия XX в. стали набирать силу тихоокеанские интересы, заставляя аналитиков ставить вопрос об изменении американской стратегии в XXI в. Для российского Дальнего Востока перенос американских приоритетов на Тихий океан потенциально может означать привлечение к нему большего, чем в настоящее время, внимания Соединенных Штатов.

Понятно, что прогнозы по данной проблеме сводятся к двум основным вариантам. Первый из них предполагает, что атлантическое направление по-прежнему останется наиболее важным для США и в дальнейшем. «Причины очевидны — в Северной Атлантике сосредоточена самая большая экономическая и военная мощь мира» [9, С. 133]. Однако даже в этом случае признается, что «самые большие перемены в глобальной стратегии США будут в XXI в. происходить на азиатском направлении. Именно сюда, на берега Тихого океана, смещается центр мировой экономической активности. Именно здесь небрежение американских стратегов может обернуться появлением на горизонте нового соперника Америки, который сейчас вначале борется на региональном уровне, а затем логикой противостояния поднимется до глобального уровня. Речь, разумеется, идет о Китае» [9, С. 165].

Второй вариант прогнозов убеждает в первостепенной значимости для США Тихоокеанского региона. Современные американские политики и ученые признают, что именно от процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе, зависит будущее США или, как это сформулировал профессор политологии университета штата Индиана Дж. Хаусман, «судьба Америки будет складываться преимущественно под влиянием событий, происходящих в странах тихоокеанского кольца» [16, р. xi]. Не менее очевидным признается также тот факт, что перспективы АТР находятся в прямой зависимости от заинтересованности и деятельности в нем США. По мнению З. Бжезинского, «успех Тихоокеанского региона потребует американского присутствия и руководства» [19, р. 2].

Данный подход складывался в 80—90-е годы в условиях стремительного экономического роста АТР и превращения его в центр мировой экономики. Показатели экономического развития АТР превосходили в 90-е годы среднемировые. Для многих стран региона характерен рост ВВП на уровне 5—6 % в год, а внешней торговли 9—11 %. На страны АСЕАН и НИС приходится 60 % мирового производства и 40 % мировой торговли. Семь ведущих государств региона, включая Японию, Южную Корею и Тайвань, владели 41 % мировых банковских активов [3, С. 3; 6, С. 42; 2, С. 6]. Есть также основания ожидать, что и международно-политический центр глобальной системы может в перспективе сместиться из Атлантики на Тихий океан, где сегодня сложно взаимодействуют военно-политические и торгово-хозяйственные интересы мировых лидеров — США, Японии, Китая, стран Западной Европы. И, хотя в конце 90-х годов внимание к самому динамичному региону мира стало акцентироваться меньше, свое будущее Соединенные Штаты по-прежнему связывают с АТР.

Как представляется, особого «небрежения американских стратегов» своей тихоокеанской политикой (прежде всего в восточно-азиатском районе) не наблюдалось, по крайней мере, со времен второй мировой войны. Любопытно, что за этот период место США как державы-лидера Тихоокеанского региона не изменилось, хотя их взаимоотношения с остальными региональными субъектами претерпели значительные трансформации.

В 40 — 80-е годы политика США в АТР в целом, укладывалась в общую схему глобальной биполярности. Региональные отношения на Тихом океане (как и везде в мире) осуществлялись по «лидерскому» типу, т.е. когда государства-лидеры, в том числе США и СССР, могли «навязывать свое видение перспективы международного развития ... и стабильности другим странам и сообществам стран» [2, С. 11]. Однако в отличие от Атлантики в Пасифике происходил процесс эволюции лидерской системы в «пространственную», означавший, что малые и средние государства АТР, проявив способность влиять на состояние региональной ситуации, сами оказывали достаточно эффективное воздействие на поведение лидера (США). На фоне общей конфронтационности с СССР, определявшей американскую военно-стратегическую линию в регионе, США оказались в плотной сети экономических и военно-политических отношений со странами АТР и сами были вынуждены приспосабливаться к логике и структуре последних.

Характерной чертой взаимоотношений в АТР в последние десятилетия XX в. являлось доминирование задач экономического развития перед наращиванием военных усилий, которые воспринимались как сугубо вынужденные. С распадом СССР и мировой биполярной системы, а также ослаблением «военной угрозы» со стороны России в 90-е годы усилилась ориентация стран АТР на опережающее экономическое саморазвитие и хозяйственное сотрудничество. Интересы США в Тихоокеанском бассейне имеют торгово-экономический и военно-стратегический характер. Интересы безопасности США в АТР официально провозглашались одним из наивысших приоритетов на протяжении послевоенных десятилетий. При этом именно торгово-экономические отношения занимали доминирующее место в структуре американского присутствия в регионе.

Экономические интересы и позиции США в АТР в 80—90-е годы. Традиционно американская деловая активность на Тихом океане инициировалась и осуществлялась самим бизнесом, а государственная политика США, направленная на его поддержку, несмотря на свою активность и эффективность, была преимущественно производной и вторичной. Важнейшим направлением взаимоотношений США—АТР является торговля. Сравнительно немногочисленные, эклектичные и иногда противоречивые сведения об американской тихоокеанской торговле в 70—90-е годы все-таки позволяют составить общую картину данного явления. Прослеживается четкая тенденция к росту торгово-

го оборота США с АТР. В 1977 г. торговля Америки с тихоокеанскими странами превзошла ее торговлю в Атлантическом океане [5, С. 94].

Торговый баланс США с тихоокеанскими странами составлял в 1970 г. 3 млрд. 612 млн. дол., в 1980 г. — 19 млрд. 561 млн. дол., в 1990 г. — 95 млрд. 951 млн. дол. [19, р.15]. 30 % внешней торговли США в 1982 г. (136 млрд. дол.) приходилось на АТР. Кроме того, в этом же году стоимость нефти, перевозимой через Индийский и Тихий океаны к мировым рынкам, составила 106 млрд. дол. [14, р.97]. Американская торговля с Восточной Азией и Тихоокеанским регионом в 1984 г. составляла 31 % от всей международной торговли США [21, р. 224].

В 1993 г. около 40 % американской торговли осуществлялось с динамичными экономиками стран АТР, и, кроме того, восточно-азиатские страны отвечали за три четверти торгового дефицита США [24, р. 137].

Торговля Соединенных Штатов в Тихоокеанском регионе в 1996 г. превышала более чем в два раза долю Западной Европы в их торговом обороте [6, С. 31].

Особое значение для экономики Соединенных Штатов в 90-е годы имели страны, входившие в организацию АРЕС-АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества). «В 1992 г. 15 членов АРЕС [включая США] имели совместный валовой региональный продукт на сумму более чем 14 трлн. дол. Экспорт США в страны АРЕС составлял 219 млрд. дол., или 49 % от экспорта США в целом. Импорт США из этих стран составлял 313 млрд. дол., или 59 % американского импорта. Всего торговля США со странами АРЕС составляла 54 % от всей американской торговли по сравнению с 24 % торговли с Европой и государствами бывшего Советского Союза» [17, р. 60].

Поскольку доля СССР/России в 80—90-е годы в торговом обороте АТР составляла менее 1 % (0.4—0.8 %) [1, С. 329], то вполне очевидно, что наша страна фактически оставалась вне региональных тихоокеанских экономических интересов США.

Превращение АТР к началу 80-х годов в ведущего торгового партнера США, так же, стремительный экономический рост стран Восточной Азии, заставили американское правительство обратить особое внимание на тихоокеанское направление своей политики. Соединенные Штаты были особенно заинтересованы в либерализации региональной торговли с тем, чтобы устранить свой торговый дефицит и получить широкий доступ к рынкам АТР [13, р. 110]. В США вновь возникли некогда популярные идеи «тихоокеанского века» и «тихоокеанской эры», которые постепенно трансформировались под влиянием интеграционных процессов в тихоокеанской Азии в концепцию «тихоокеанского сообщества». В 1984 г. президент Р. Рейган и его госсекретарь Дж. Шульц фактически повторили вывод, сделанный Т. Рузвельтом в 1905 г.: «Следующий век будет тихоокеанским веком» [23].

Развитие и расширение региональных торговых и хозяйственных связей требовали адекватного надгосударственного вмешательства. Американский бизнес в АТР нуждался в регулировании торгово-экономических отношений на межправительственном уровне. Поэтому в 80-е годы правительству США со стороны частного капитала был сделан ряд «политических предложений с фокусом на Тихоокеанский регион». Одно из них поступило в 1989 г. из Фонда наследия (Heritage Foundation), представлявшего интересы крупного капитала, в форме проекта «Mandate III». Последний предназначался для администрации президента Дж. Буша (старшего) с тем, чтобы она «официально переключила свое внимание с Атлантики на Тихий океан» [20, р. 78]. В докладе обосновывалось экономическое и стратегическое значение Тихоокеанского региона, а также подчеркивалось, что правительственная политика в отношении Тихого океана должна быть нацелена на «содействие демократии, свободной торговле и усилению обязательств Соединенных Штатов в отношении регио-

нальной безопасности» [20, р. 78]. Важнейшей задачей провозглашалось расширение сбалансированной торговли с Азией.

Заинтересованные группы предложили, чтобы признание новой администрацией растущего значения Тихоокеанской Азии выразилось в создании постоянно действующего Азиатско-Американского межправительственного форума для обсуждения проблем на двухсторонней или региональной основе с азиатскими друзьями и союзниками.

Интересы американского бизнеса нашли полное понимание и одобрение государственной власти. В самих правительственных кругах США к тому времени уже сформировалось аналогичное отношение к АТР. Например, планы по созданию межправительственной азиатско-тихоокеанской структуры (по типу «большой семерки») с целью регулирования региональной экономической и торговой политики строил бывший госсекретарь США Дж. Бейкер. В 1988 г. сенатор Билл Брэдли (Bill Bradley) очертил свою идею «тихоокеанской коалиции», призванной восстановить многостороннюю торговую систему и уменьшить торговый дисбаланс США [20, р. 79]. Идея «тихоокеанского сообщества» как некой структуры АТР, его экономической и политической институционализации на основе интернационализации социально-экономической жизни стран региона стала постепенно набирать силу в американских правительственных кругах.

Подтверждением того, что правительство прислушалось к рекомендациям Heritage Foundation и поддержало интересы американского бизнеса в АТР, стало создание в 1989 г. азиатско-тихоокеанского межправительственного форума, превратившегося через несколько лет в одну из самых влиятельных организаций региона — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС).

Политика президента Дж. Буша (старшего) в АТР, откликнувшегося на предложение деловых кругов «переключить свое внимание на Тихий океан», «характеризовалась двумя главными элементами: традиционной заботой о поддержании благоприятного баланса сил в регионе и новым интересом ... в экономической сфере, связанным с расширением региональной интеграции вплоть до создания сообщества рыночных экономик» [17, р. 14].

В 90-е годы значимость Азиатско-Тихоокеанского региона для американской внешней политики уже не требовала каких-то специальных (типа доклада «Mandate III») доказательств. Соединенные Штаты прочно занимали лидирующие экономические позиции в регионе, перспектива сохранения которых ни у кого не вызвала сомнений. «Действуя в Тихоокеанском бассейне... Америка останется главным рынком для азиатского экспорта и гарантом безопасного крупномасштабного инвестирования для Японии, НИС и других стран региона. Растущие американские сервисные отрасли, вероятно, найдут здесь рынок сбыта, а международное движение капитала и технологий будет усиливать значение США среди союзников и друзей в регионе» [18, р. 8].

Представители администрации Б. Клинтона, сменившего Дж. Буша (старшего) на посту президента, вполне осознавали роль АТР в системе национальных интересов. Так, выступая в ноябре 1993 г. на слушаниях комитета по международным отношениям сената США, государственный секретарь У. Кристофер провозгласил, что «ни один регион в мире не имеет большего значения для американских интересов, чем Азиатско-Тихоокеанский регион» [Цит. по: 19, С. 94]. В опубликованном в 1994 г. документе «Стратегия национальной безопасности США», подтверждалось экономическое значение АТР для Америки наряду с другими жизненно важными приоритетами. «Наши экономические отношения в значительной степени зависят от связей с Азиатско-Тихоокеанским регионом, в котором в настоящее время отмечается наибольший экономический рост» [8, С. 114].

Администрация Б. Клинтона продолжила основные направления внешней политики Дж. Буша прежде всего в отношении АТЭС и «тихоокеанского

сообщества». Так, наиболее «амбициозной» региональной инициативой, принятой новой администрацией, стало укрепление и поощрение форума по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. По заявлению Б. Клинтона на саммите в г. Сиэтле в 1993 г., миссия этой организации состоит не в том, чтобы создавать бюрократию, которая может препятствовать росту экономики, но в том, чтобы помочь создавать взаимосвязи между экономикой и содействовать экономическому росту [17, р. 61].

Значительную поддержку со стороны правительства США получила идея «тихоокеанского сообщества». В июле 1993 г., выступая в университете Васэдо в Токио, Б. Клинтон обрисовал общую концепцию Pacific Community, включающую в себя экономические, политические и военно-стратегические аспекты. По его мнению, новая общность должна строиться на пяти «блоках» и включать в себя «оживление партнерства между США и Японией»; «прогресс в направлении большей открытости экономик и расширения торговли»; «подтверждение и продолжение осуществления обязательств Соединенных Штатов в отношении договоров с их союзниками», «поддержку демократии» и «осуществление военного присутствия США в Японии и Корее и во всем регионе» [17, р. 55]. Немного позже в одном из официальных документов США было подтверждено, что «президент США предусматривает проведение интегрированной стратегии в рамках нового Тихоокеанского сообщества» [8, С. 122], что вполне соотносилось с новой американской внешнеполитической доктриной, принятой администрацией Клинтона в 1995 г., — «стратегией расширения» (Strategy of Enlargement), которая предполагала «расширение свободного мирового сообщества рыночных демократий» [17, р. 32]. По заявлению автора этой концепции — советника президента Энтони Лэйка, «осуществление «enlargement» в Азиатско-Тихоокеанском регионе стратегически важно для Соединенных Штатов» [17, р. 33]. Развитие рыночных экономик и либеральных демократий в странах АТР в соответствии с политикой расширения становилось основой для дальнейшего развертывания региональных интеграционных и институционализационных процессов, предусмотренных концепцией «тихоокеанского сообщества».

Доминирующее экономическое положение Соединенных Штатов в Тихоокеанском бассейне в свою очередь определяло их потребность в региональной военно-политической стабильности и безопасности. Резко возросшие в 80—90-е годы экономические интересы США в АТР достаточно надежно обеспечивались высокой конкурентоспособностью американского бизнеса по отношению к японскому, южнокорейскому, тайваньскому и западноевропейскому. «Военная сила в этих условиях необходима скорее как гарантия против гипотетических угроз со стороны региональных «дебютантов» — КНР, а может быть в перспективе и России — для выгодной Соединенным Штатам системы свободной экономической конкуренции, медленно, но неуклонно развивающейся в мощный азиатско-тихоокеанский интеграционный комплекс» [2, С. 255].

Интересы безопасности США в АТР: военно-стратегический аспект. СССР и постсоветская Россия, не занимая сколько-нибудь заметного места в американской торгово-экономической деятельности в АТР, имели значение для США лишь как реальный военно-политический соперник и потенциальная угроза региональной стабильности. Это означает, что в 40—80-е годы, конфронтационные взаимоотношения СССР—США лежали в основе военной стратегии обеих стран на Тихом океане. Нестабильность постсоветской России, сняв проблему традиционной конфронтационности двух стран в 90-е годы, объективно ставила под угрозу сложившийся в пользу США баланс сил в АТР. Два этих обстоятельства (исчезновение военной угрозы для США со стороны России и ее нестабильность) нашли отражение в новой тихоокеанской стратегии Америки в последнем десятилетии XX в.

Военная стратегия Соединенных Штатов на Тихом океане не раз менялась на протяжении послевоенных десятилетий, однако в любом случае она предполагала наличие американских вооруженных сил в качестве противовеса «Советам». Послевоенное присутствие Америки на Тихом океане, в соответствии с характеристикой профессора университета Южной Калифорнии Питера Бертона, выглядело как период ее безусловного доминирования над Тихоокеанской Азией. «Соединенные Штаты появились на Тихом океане после войны как преобладающая сила в регионе с практически неограниченным контролем над судьбой потерпевшей поражение Японии и с решающим голосом как в Южной части поделенной Кореи, так и на Филиппинах — бывшей американской колонии. Советский Союз был в значительной мере не эффективен в попытке подорвать американское влияние в Восточной Азии» [11, р. 8].

Количество военного «персонала» США на Тихом океане после второй мировой войны менялось в зависимости от особенностей протекания процесса конфронтации с СССР, а также других причин. Так, к концу Корейской войны [1953 г.] численность тихоокеанских вооруженных сил Америки составляла 650 тыс. чел., в разгар Вьетнамской войны — 885 тыс., а к 1979 г. численность военных сил США снизилась до 140 тыс. [24, р. 137]. О приоритете «атлантического» направления внешней политики США в 60—70-е годы свидетельствует тот факт, что численность американских вооруженных сил на Тихом океане была в 2—3 раза ниже, чем в Европе, даже несмотря на то, что основные послевоенные конфликты с участием Америки (Корейская и Вьетнамская войны) происходили в Тихоокеанской Азии. Например, в 1964 г. до начала Вьетнамской войны, «200 тыс. чел. из всех американских сухопутных сил находились в западной части Тихого океана (Восточной и Юго-Восточной Азии), в то время как в Европе было вдвое больше этого количества. В 1976 г. азиатско-тихоокеанский контингент составлял 112 тыс. против 274 тыс. в Европе. В 1979 г. эти цифры составляли 140 тыс. против 300 тыс. Военно-морские силы США были распределены более равномерно. Например, в 1964 г. число персонала на морях в Азии было 52 тыс. против 54 тыс. в Европе. Данные за 1980 г. составляют соответственно 15 тыс. и 22 тыс. Пять авианосцев были приписаны к Атлантическому флоту и два к Средиземноморскому против четырех авианосцев Третьего (восточно-тихоокеанского) флота с штаб-квартирой в Перл-Харборе и двух авианосцев Седьмого (западно-тихоокеанского) флота и штаб-квартирой в Йокосука (Япония) [11, р. 12].

В 70-е годы, после окончания Вьетнамской войны, в течение десятилетия прослеживается четкая тенденция к снижению военного присутствия США в АТР. «Между 1964 и 1980 гг. наземные силы США уменьшились с 200 тыс. чел. до 100 тыс. и военно-морской персонал с 52 до 15 тыс.» [11, р. 12]. «В 1969 г., в разгар Вьетнамской войны, военно-морской флот США был представлен более чем 200 кораблями на Тихом океане. К концу 1970-х годов только 55 кораблей Соединенных Штатов находились в Тихом океане» [23, р. 133].

Снижение количества вооруженных сил США в Тихоокеанском регионе в 70-е годы было связано как с «вьетнамским синдромом» - пацифистскими настроениями в американском обществе после окончания войны во Вьетнаме, так и политикой «разрядки» между США и СССР в это время. «США, охваченные так называемым вьетнамским синдромом, снизили свои обязательства в Северной Азии и западной части Тихого океана» [15, р. XXVI]. В это время была разработана новая военная стратегия США — «swing strategy», рассчитанная на снижение американского военного присутствия на Тихом океане и сориентированная на европейские приоритеты внешней политики. «На случай советской угрозы Европе «swing strategy» предусматривала переброс сил с тихоокеанского театра военных действий на Атлантический. Эта стратегия «компенсировала» снижение военных расходов, имевших место при президенте Дж. Форде и Дж. Картере» [24, р. 134].

Поскольку Советский Союз в отличие от Америки усилил свое военное присутствие на Дальнем Востоке и Тихом океане к концу 70-х годов, то большинство американских политиков и ученых расценивали демилитаризацию США в АТР негативно. Новый этап усиления конфронтации на рубеже 70—80-х годов Соединенные Штаты, по их мнению, встретили «почти безоружными». Р. Свearingen констатировал, что в 70-е годы Соединенные Штаты «фактически разоружались в одностороннем порядке» [22, р. 255—256]. П. Бертон сделал вывод, что «снижение военной мощи США было определено неправильным ответом» [11, р. 12].

В начале 80-х годов, в период нахождения у власти президента Р. Рейгана, американские внешнеполитические приоритеты стали меняться в сторону усиления значения их тихоокеанского направления. Новая администрация постаралась «компенсировать» военное отставание США в АТР. «К концу первого срока пребывания в Белом доме администрации Рейгана [1983—1984 гг.] произошла переоценка внешнеполитического курса США, в котором особое место занял Азиатско-Тихоокеанский регион. Основной упор был сделан на укрепление военно-политических связей с союзниками США в регионе, усиление собственного военного потенциала, нацеленного на закрепление стратегического превосходства на данном участке борьбы с социалистическими странами» [1, С. 21].

При Р. Рейгане сравнительно пассивная «swing» стратегия сменилась более активной «maritime strategy» (морской стратегией), повышавшей значение флота и, следовательно, особенно важной стратегии для Тихого океана. Эта стратегия означала, что в военное время США должны были немедленно предпринять наступление на море. «Морская стратегия» придавала важнейшее значение защите уязвимых морских путей и коммуникаций в южной и западной части Тихого океана. Их защита в западной части Тихого океана была главным приоритетом для обеспечения снабжения сырьем американских союзников и для того, чтобы помешать попыткам Советов препятствовать стратегической торговле США с их главными азиатскими партнерами» [24, р. 134].

В соответствии с этой стратегией главный театр военных действий по-прежнему предполагался в Европе, однако в случае перемещения конфликта на Тихий океан благодаря «морской стратегии» СССР лишался преимуществ и там. «Геополитические реалии ограничивали советские военные возможности на Тихом океане. В случае войны советские военно-морские силы из Владивостока могли быть блокированы в Охотском и Японском морях силами США, Японии и Южной Кореи в трех узких местах» [24, р. 135].

Усиление к середине 80-х годов военного присутствия США на Тихом океане, а также повышение роли их азиатских союзников расценивалось американцами как достижение «баланса» сил в регионе. «Соединенные Штаты в течение последних пяти лет усилили свои собственные оборонные возможности в регионе. В настоящее время существует военно-политический баланс в Северо-Восточной Азии: США, их друзья и союзники — Китай, Япония, Республика Корея и Тайвань против значительно усилившихся и враждебных Советского Союза, Северной Кореи и коммунистического Вьетнама. ... Ситуация сбалансировалась посредством перевода в Тихоокеанский регион 6 американских авианосцев и 46 атакующих субмарин, 34 из которых — атомные» [22, р. 255—256].

На самом деле, США в 80-е годы не просто достигли «баланса» сил или «компенсировали» свое отставание от Советского Союза на Тихом океане, но и значительно превзошли его в военном отношении. Динамика военного присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 70—80-е годы в рамках «swing strategy» и «maritime strategy», напрямую связанная с общим ходом советско-американских отношений и советской милитаризацией Дальнего Востока, наглядно иллюстрируется картиной военных расходов двух стран в 1970—1990 гг.

**Расходы на оборону в Тихоокеанском регионе
в 1970—1990 гг. [19, р. 11]**

Страны	1970 г.		1980 г.		1990 г.	
	млрд \$	% ВВП	млрд \$	% ВВП	млрд \$	% ВВП
США	76.51	7.8	143.98	5.6	289.79	5.3
СССР	53.90	11	177	-	225.38	11
АТР в целом	145.57	100	367.89	100	606.94	100

Расходы «на оборону» США в Тихоокеанском регионе выросли за 20 лет (1970—1990 гг.) в абсолютном значении более чем в 3,7 раза, хотя и сократились в качестве доли валового национального продукта. Их сравнение с советскими аналогами наглядно иллюстрирует процессы милитаризации и противостояния двух стран в АТР. В 80-е годы военные расходы СССР на Тихом океане действительно превзошли американские. Однако уже через десять лет уровень милитаризации США в АТР стал фактически недостижим для Советского Союза. Всего доля военных расходов США среди стран АТР в целом составляла в 1970 г. 52.5 %, в 1980 г. — 39.1 %, в 1990 г. — 47.8 %; СССР соответственно — 37 %, 48.1 %, 37.1 % [Рассчитано по: 24, р.11]. Рост военных расходов США в регионе в 80-е годы отражал стремление «наверстать упущенное» в годы разрядки и преодолеть «вьетнамский синдром». Вслед за мировыми лидерами наращивали военные расходы и их тихоокеанские союзники. Так, расходы на оборону только в странах Восточной Азии в 1990 г. удвоились по сравнению с 1980 г. и составили около 70 млрд. дол. [19, р.13].

Вину за гонку вооружений в 70—80-е годы американские авторы, естественно, возлагали на СССР, подчеркивая со своей стороны «демократизаторскую» миссию вооруженных сил США. Считалось, что усиление американской военной мощи необходимо для поддержания свободы и демократии в мире. «США будут продолжать играть международную роль в сохранении свободы и демократических принципов в мире» [22, р. 264]. Исключением на этом фоне являлись заявления о том, что Америка также несет ответственность за гонку вооружений и поэтому должна предпринять шаги к ее остановке. Например, профессор политологии в Bryant College (Род-Айленд) Глен Кэмп (Glen D. Camp) заявлял, что для выживания обеих стран «мы должны осуществить то, что называется «безумным моментом гонки вооружений» - ликвидировать превосходство Запада над СССР» [12, р. 97.].

На рубеже 80—90-х годов новые политические веяния, связанные с демократизацией международных отношений и разрушением биполярной системы миропорядка, нашли отражение в американской стратегии в АТР. Безопасность и стабильное развитие региона стали увязываться не только с усилением военной мощи США и их союзников, но также с внедрением в политическую практику новых принципов национальных и региональных отношений таких, как «признание первенства экономических целей над идеологическими, разочарование в полезности войны, заключение соглашений по расширению региональной торговли и принятие концепции урегулирования территориальных и пограничных споров посредством переговоров» [19, р. 6]. Для администрации президента Дж. Буша (старшего) значение Тихоокеанского региона в плане безопасности США не вызывало никаких сомнений. Госсекретарь США Дж. Бейкер, прогнозируя будущее своей страны, заявил: «Судьба Америки, тесно связанная с Восточной Азией и Тихим океаном нашей безопасностью, безусловно, зависит от стабильности в Азии» [17, р. 16]. В соответствии со стратегической концепцией этой администрации, Соединенные Штаты должны были играть в Азиатско-Тихоокеанском регионе роль балансира (стабилизатора отно-

шений), что на практике означало «главным образом узаконивание продолжавшегося присутствия вооруженных сил США» [17, р. 17]. Необходимость стабилизации региональных отношений вызвана, наряду с усилением позиций КНР, «выпадением» из их системы традиционных функций Советского Союза как военного противника и противовеса США на Тихом океане. Америке в свою очередь пришлось, в качестве «стабилизатора» трансформировать свое военное присутствие в АТР, что предполагало количественное и качественное изменение вооруженных сил США. Роль Соединенных Штатов в АТР в качестве «балансира»-стабилизатора нашла отражение в планах американского министерства обороны, представившего в 1990 г. конгрессу доклад «Стратегические ориентиры для Азиатско-Тихоокеанского кольца: вступая в XXI век». Это была первая «Восточноазиатская стратегическая инициатива» (East-Asian Strategic Initiative — EASI-1), свидетельствующая о том, что США готовы пересмотреть свою военную стратегию в АТР после окончания «холодной войны». План Пентагона предусматривал сокращения и реорганизацию американских вооруженных сил, осуществляемые в три этапа. На первом этапе (1990—1993 гг.) предполагалось ежегодное сокращения 14—15 тыс. чел. персонала из 135-тысячной группы американских войск, размещенных на Тихом океане. Около 7 тыс. должны были быть выведены из Кореи (5 тыс. наземных и 2 тыс. военно-воздушных сил); 5—6 тыс. военнослужащих должны были покинуть Японию; примерно 2 тыс. чел. намеревались удалить с Филиппин. Второй (1993—1995 гг.) и третий (1995—2000 гг.) этапы реорганизации, по мнению авторов доклада, зависели от международной ситуации в это время [17, р. 18]. Снижение военного присутствия должно осуществляться вместе с модернизацией южнокорейских и японских вооруженных сил. Как ожидалось, обе страны возьмут на себя большую часть расходов на базирование американских вооруженных сил. «На втором этапе (3—5 лет) и на третьем этапе (5—10 лет) возможности для дополнительного снижения и ограничения сил должны были рассматриваться в зависимости от северокорейской и российской угроз Южной Корее и Японии соответственно. Американский план на третьем этапе призывал Южную Корею обеспечивать свою безопасность с тем, чтобы успешно завершить предыдущие этапы. Продолжение дальнейшего пребывания ВС США в Японии постулировалось планом третьего этапа вместе с некоторым дополнительным снижением сил самообороны по мере роста их боеспособности» [24, р. 151].

Главным содержанием новой американской стратегии в АТР политическая и военная элиты провозгласили «гибкость» (flexibility), поскольку количественное сокращение вооруженных сил следовало компенсировать их качественным улучшением. «Гибкость будет решающим элементом в оборонной политике США в 1990-е годы» [10, р. 83]. Под ней подразумевалась «способность США перебрасывать силы на большие расстояния», «способность эффективно ответить на любые неожиданности» [19, р. 5], а также «выгодный баланс сил; обеспечение развертывания передовых сил; эффективная и вызывающая доверие система альянсов» [10, р. 77].

В условиях сокращения вооруженных сил США и снижения их военных расходов особое значение придавалось повышению роли азиатских союзников Америки в смысле усиления самостоятельности и боеспособности последних. «Так как Соединенные Штаты не могут адекватно защищать свои интересы только своими силами, то их в настоящее время поддерживают наземные и воздушные силы Японии, Республики Корея, Филиппин, а также военно-морские боевые группы и силы морских амфибий в западной части Тихого океана» [10, р. 81].

В 1992 г. Пентагон разработал очередной стратегический план до 1995 г. военного присутствия США в АТР - East Asia Strategy Initiative — EASI-II. В нем напоминалось, что из себя представляют интересы безопасности США в Азии и в чем состоит основная миссия американских вооруженных сил: «Защита США и их союзников от нападения; поддержание регионального мира и ста-

бильности, сохранение экономического и политического доступа США в регион; содействие росту демократии и защите прав человека, оборона Аляски, Гаваев и связующих их с континентальными Соединенными Штатами линий коммуникаций, защита территорий США и тех стран, с которыми заключены соответствующие договоры, а также поддержка американских союзников» [17, р. 20]. В этом документе исчерпывающие указаны военно-политические интересы и позиции США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 90-е годы. Фактически они мало отличались от тех, что были ранее заявлены американским правительством.

Администрация президента Б. Клинтона продолжила военные реорганизации на Тихом океане. К тому времени Россия перестала быть военно-политическим противником Соединенных Штатов, что способствовало дальнейшему осуществлению их оборонной «экономии» в АТР. Однако, несмотря на сокращение тихоокеанских вооруженных сил и военных расходов США, идея «достаточного» американского военного присутствия в регионе оставалась неизменной. Американские союзники — Япония, Южная Корея и Тайвань — активно поддерживали данную идею. Так, в июне 1993 г. США выдвинули военную доктрину, основанную на принципе победы в одном региональном конфликте и сдерживании другого до подхода сил, высвобожденных после окончания первого конфликта (Win-Hold-Win). Однако уже в июле 1993 г. под давлением Японии и Южной Кореи США заявили о переходе к стратегии победы в двух конфликтах одновременно (Win-Win) [7, С. 65]. Беспокойство США и их азиатских партнеров вызывала нестабильность России и возрастающая мощь Китая.

В феврале 1995 г. администрация Б. Клинтона представила на рассмотрение конгресса третий доклад EASI-III, который продолжил ранее намеченную линию на сокращение, «гибкость» и экономию. В соответствии с ним «вооруженные силы Соединенных Штатов должны были стать «более мобильными, гибкими и умными, даже в случае их сокращения и снижения бюджетных ассигнований» [17, р. 30]. С этого времени и до конца 90-х годов американское правительство решало проблему, как, не увеличивая расходов на оборону в Тихом океане, обеспечить высокую боеспособность своих вооруженных сил, а также поддержать стабильность и сложившийся порядок в регионе.

Процесс сокращения военных расходов и реорганизации американских тихоокеанских вооруженных сил в 90-е годы вызвал неоднозначную оценку как в США, так и в странах их союзников. Многие политики и исследователи высказывали озабоченность в связи с ограничением военного присутствия США в АТР, ставя вопрос о том, смогут ли Соединенные Штаты «с точки зрения снижающейся роли своего «гегемонистского сотрудничества» обеспечить основу регионального порядка на Тихом океане после холодной войны» [19, р. 2]. Высказывались рекомендации не сокращать форсированно вооруженные силы на Тихом океане и тем более не покидать регион. Бывший министр обороны Джеймс Шлезингер (James Schlesinger) (1973—1974 гг.) утверждал, что «несмотря на то, что в Восточной Азии, также как и в Западной Европе, фокус переместился со стратегических на экономические вопросы, вооруженные силы США в Восточной Азии не могут быть сокращены так же быстро, как и в Европе» [цит. по: 19, р. 5].

Однако опасения по поводу возможного снижения боеспособности американских вооруженных сил в АТР, ведущей роли США и, как следствие, нарушения региональной стабильности, не подтвердились. Суть стратегических инициатив США в АТР в 90-е годы и реорганизации вооруженных сил заключалась в оптимальном перераспределении ресурсов с упором на развитие мобильности сил передового базирования США. «Поддержание военного превосходства США в Восточной Азии и на Тихом океане зависит от их передовых сил развертывания» [10, р. 81]. В результате осуществления реорганизации и модернизации американских вооруженных сил в 1995 г. их тихоокеанская группа была представлена 200 кораблями, 2 тыс. боевых самолетов, 300 тыс. военно-

го персонала, из которых около 100 тыс. находились в Японии, Южной Корее и «на морях» [1, С. 226]. Снижение американских военных расходов в Тихоокеанском регионе в 90-е годы означало на практике, что США пошли по пути «разделения бремени расходов» на оборону со своими союзниками и партнерами.

Снижая военные расходы, Вашингтон стремился избежать необходимости проводить энергичный военно-политический курс, пытаясь закрепить позиции в АТР через дипломатическую активность, распределение среди партнеров части своих прежних стратегических обязательств, а также использование регионального экономического сотрудничества для нейтрализации или сдерживания потенциальных антиамериканских устремлений некоторых стран, прежде всего КНР.

В 90-е годы США превратились в единственного лидера и «невольного» гегемона Азиатско-Тихоокеанского региона в военно-политическом отношении. Их господствующее положение оказалось не столько результатом наращивания военно-политических усилий, сколько следствием неспособности потенциальных соперников Вашингтона реально уравновесить американское могущество.

США были объективно заинтересованы в сохранении сложившейся в 90-е годы ситуации в АТР, поскольку впервые в послевоенное время здесь у них не оказалось реальных военно-политических соперников. В свою очередь для многих стран АТР, включая Японию, но исключая КНР, Соединенные Штаты являлись наиболее удобным, если не единственно возможным на тот момент союзником, партнером и гарантом безопасности. «Многие политики в АТР против нарушения сложившегося статус-кво, поскольку другие державы ... не вызывают у них аналогичного доверия. Рабочие отношения с Вашингтоном далеки от идиллических ... но само наличие таковых — следствие тесного взаимодействия и переплетения интересов» [4, С. 46].

Задачи американской политики «в том, что касается защиты интересов безопасности в АТР» сводились в 90-е годы «к сдерживанию экспансии любой державы» [2, С. 254], представлявшей угрозу США. В настоящее время пытаться оспаривать господство США в Тихоокеанском регионе может только Китай [См.: 4, С. 47; 9, С. 165].

Россия, потеряв статус «официального» военно-политического соперника Америки, каким был Советский Союз, тем не менее все еще воспринималась в 90-е годы в качестве потенциальной угрозы в Тихоокеанском регионе по двум причинам. 1. Нестабильное положение России вызывало опасения в возможности сохранения контроля над ее стратегическим ядерным оружием, размещенным на Тихоокеанском флоте. 2. Разрушение России «почти автоматически дало бы колоссальное приращение возможностей Китая» [2, С. 257], а следовательно, привело бы к нарушению сложившегося в пользу США баланса сил и стабильности в АТР. Поэтому заинтересованность Соединенных Штатов в консервации сложившихся отношений в Тихоокеанском бассейне не предполагала дестабилизации России.

В свою очередь «весомая роль США в АТР не представляет угрозы интересам России и последней незачем растрачивать свои ограниченные ресурсы на надуманные антиамериканские цели» [4, С. 47]. Более значительную угрозу для России в АТР представляет возможная конфронтация США и Китая на региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, тихоокеанская политика Соединенных Штатов развивалась на протяжении всей второй половины XX в. в соответствии с логикой биполярного и постбиполярного мира, с учетом особенностей системы региональных отношений, а также собственных американских интересов в АТР. Особый интерес к данному региону США проявили в 80—90-е годы в связи с его превращением в новый мировой экономический, а в перспективе и политический центр.

Современная тихоокеанская политика США направлена на поддержание стабильности и сохранение выгодной для них системы сложившихся отноше-

ний в регионе. В ближайшее время лидерский статус США в АТР вряд ли изменится, что не исключает возможности появления «нового вызова» американскому доминированию со стороны быстро развивающихся азиатско-тихоокеанских стран, прежде всего Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арин А.О. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997.
2. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945 — 1995). М., 1997.
3. Габуния Г. Экономические отношения России со странами АТР // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 2. С. 3—9.
4. Гребенщиков Э. АТР — контуры российского подхода // МЭ и МО. 2001. № 1. С. 46—56.
5. Инг Ф. Экономические интересы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (до 1945 г.) // Советско-американские отношения в бассейне Тихого океана. М., 1987. С. 83—95.
6. Матяш В.Н. О месте и роли России в АТР на рубеже столетий // США: ЭПИ. 1997. № 9. С. 31—46.
7. Носов М.Г. Россия и США в АТР // США: ЭПИ. 1997. № 4. С. 61—72.
8. Стратегия национальной безопасности США // США: ЭПИ, 1995. № 2. С. 112—126.
9. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000.
10. Baker E. U.S. Military Relationships in East Asia and Pacific: A Long View // The Pacific in 1990s. Economic and Strategic Change. Ed. by J. Radvanyi. Centre for International Security and Strategic Studies. MR: University press of America, 1990, 158 p., p. 77—84.
11. Berton P. Direction and Analysis of U.S. Foreign Policy // Asia and U.S. Foreign Policy. Ed. by J. Hsiung, W. Chai, New York, 1981, p. 7—24.
12. Camp G.D. Soviet Asian Policy and the Anti-Soviet Entente // Asia and U.S. Foreign Policy. Ed. by J. Hsiung, W. Chai, New York, 1981, p. 75—102.
13. Choate A. Asia Pacific Economic Cooperation Potential and the U.S. Interest: Going Multilateral // The Future of the Pacific Rim: Scenarios for Regional Cooperation. Ed. by B.K. Bundy, Westport, Conn., 1994, p. 107—116.
14. Dienes L. Soviet Asia. Economic Development and National Policy choices. 1987, 289 p. Col. USA.
15. Hardt J. Introduction. Soviet Siberia: a Power — to Be // Siberia and Soviet Far East: Strategic Dimensions in Multinational Perspective. Ed. by R. Swearingen, Stanford University, Cal., 1987, p. XXI—XXIX.
16. Houseman G.L. America and the Pacific Rim: Coming to Terms with New Realities. 1995, Rowman & Littlefield Publisher, Inc., 228 p.
17. Lasater M. The New Pacific Community. U.S. Strategic Options in Asia. Westview Press. 1996, 177 p.
18. Radvanyi J. The Changing Asian Pacific // The Pacific in 1990s. Economic and Strategic Change. Op. cit., p. 1—13.
19. Soesastro H. Implications of the Post-Cold War Politico-Security Environment on the Pacific Economy. Centre for Strategic and International Studies. M97/92. December 1992, 29 p.
20. Soesastro H. The Role of the Pacific Basin in the International Political Economy // Foreign Relations Journal, vol. IV, № 2, June 1989, p. 64—83.
21. Stephan J. John. The Russian Far East. A History. 1994. Stanford University Press. California. 482 p.
22. Swearingen R. The Soviet Far East, East Asia and Pacific — Strategic Dimensions // Siberia and the Soviet Far East. Strategic Dimensions in Multinational Perspective. Ed. by R. Swearingen, 1987, Stanford University, Cal., 1987, p. 226—269.
23. U.S. Department of State. Bulletin. 84:2082. January 1984.
24. Ziegler Ch.E. Foreign Policy and East Asia. Cambridge University Press, 1993, 197 p.

SUMMARY: The author of the article «The U.S. Pacific Policy in the 80s—90s of the XXth Century», Larisa Garusova reveals the theme of American Economic and Military-Political interests in the Pacific region. In the second part of the XXth century the US Pacific policy took into account the peculiarities of the system of regional relations, and the American interests themselves. Modern policy of the USA is oriented on support of stability and preserving the system of relations in the region favorable for them. The author thinks that in the very near future the leader status of the USA in the region has hardly changed, nevertheless it is quite possible that «a new challenge» could emerge on the part of the quickly developed countries of the region, especially China.